

ТАКТИКА УМОЛЧАНИЯ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ МИТИГАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ольга Алексеевна КУКАТОВА
*кандидат филологических наук, доцент
кафедра русской филологии
факультет зарубежной филологии
Национальный университет Узбекистана
имени Мирзо Улугбека
kukatova.olga@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена анализу речевой тактики умолчания в современном русском дипломатическом дискурсе. Материалом исследования послужили интервью, выступления и ответы на вопросы кадровых дипломатов, размещенные на официальном сайте МИД РФ (www.mid.ru). Цель работы – выявить особенности речевой тактики умолчания в публичном дипломатическом дискурсе. Тактика умолчания в рамках стратегии митигации в целом направлена на смягчение оценки описываемого положения дел, на снижение уровня (возможной) напряженности в ситуации, избежание категоричности в оценке чего-либо. Рассматриваются содержательная сторона и средства языкового выражения данной тактики.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, стратегии и тактики, коммуникативная цель, стратегия митигации, тактика умолчания.

ҲОЗИРГИ ЗАМОН РУС ДИПЛОМАТИК ДИСКУРСИДА ИНДАМАЙ КЕТИШ ТАКТИКАСИ НУТҚ МИТИГАЦИЯ СТРАТЕГИЯСИНИ АМАЛГА ОШИРИШ ВОСИТАСИ СИФАТИДА

Ольга Алексеевна КУКАТОВА
*Филология фанлари номзоди, доцент
Рус филологияси кафедраси,
Мирзо Улугбек номидаги
Ўзбекистон Миллий университети
Хорижий филология факультети
kukatova.olga@mail.ru*

Аннотация

Мақолада замонавий рус дипломатик дискурсидаги индамай кетиш тактикасини таҳлил қилинган. Тадқиқот материали сифатида Россия Федерацияси Ташқи ишлар вазирлигининг расмий сайтида (www.mid.ru) жойлаштирилган интервью, мақола ва савол-жавоблар танлаб олинган. Тадқиқотнинг мақсади – оммавий дипломатик дискурсидаги нутқий индамай кетиш тактикаси хусусиятларини аниқлашдир. Митигация стратегияси доирасидаги индамай кетиш тактикаси қайд этилаётган ишлар ҳолатининг баҳоланишини юмшатишга, вазиятнинг кескинлик даражасини пасайтиришга, ниманидир ёки кимнидир баҳолашда кескинликдан (кескин чоралар қўллашдан) қочишга йўналтирилган. Ушбу тактиканинг мазмуний жиҳати ҳамда уни тилда ифодалаш воситалари кўриб чиқилган.

Калит сўзлар: дипломатик дискурс, стратегиялар ва тактикалар, коммуникатив мақсад, митигация стратегияси, индамай кетиш тактикаси.

TACTICS OF SILENCE AS THE REALIZATION OF SPEECH STRATEGIES OF MITIGATION IN MODERN RUSSIAN DIPLOMATIC DISCOURSE

Olga Alekseevna KUKATOVA

Associate Professor

Russian Philology Faculty of Foreign Philology

National University of Uzbekistan Named after Mirzo Ulughbek

kukatova.olga@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the speech default tactics in the contemporary Russian diplomatic discourse. The material of the study was interviews, performances and answers on questions of personnel diplomats, posted on the official website of the Russian Foreign Ministry (www.mid.ru). Objective: to identify the features of the speech default tactics in public diplomatic discourse. The speech default tactics in general is aimed at mitigating the assessment of the situation, avoiding the categorical evaluation of something or someone. The content side and means of linguistic expression of each of the tactic was also considered in it.

Keywords: diplomatic discourse, strategies and tactics, communicative goal, strategy of mitigation, default tactics.

Введение

Особенности речевой коммуникации в рамках публичного дипломатического дискурса представляются недостаточно изученными по причине определенной закрытости дипломатического дискурса, а также отсутствия работ, дающих полную и исчерпывающую характеристику конститутивным признакам дипломатического дискурса: характер институциональности, формы выражения и взаимоотношения адресата и адресанта, место дипломатического дискурса в ряду смежных институциональных дискурсов, использование характерных для данного дискурса речевых стратегий и тактик, его прагматический потенциал и др.

В рамках данной работы дипломатический дискурс будет рассмотрен как особая форма коммуникативной деятельности, главное отличие которой от других видов коммуникации заключается в ее *разнонаправленном* характере, что обусловлено различными целями и задачами, реализуемыми в разных контекстах – публичном и закрытом. В этом плане значимой является специфика адресата – широкая массовая аудитория либо равный, подготовленный и обладающий информацией партнер, – определяющая социальную модель взаимодействия, возможность реализации поставленных целей⁵. Выбор речевых стратегий и репрезентирующих их языковых средств

⁵См. иную (широкую) интерпретацию понятия дипломатический дискурс в работе (7), где автор высказывает точку зрения о том, что «отнесение дипломатического дискурса только к группе институциональных дискурсов ограничивает содержание понятия «дипломатический дискурс», так как в этом случае в рамки этого понятия попадает лишь профессиональное проявление дипломатичности, тогда как «бытовое» ее проявление исключается».

непосредственно зависят от степени подготовленности языковых личностей, участвующих в общении (19, 48–49).

Ввиду все большей открытости и публичности изучаемого дискурса, актуальным и необходимым становится изучение характерных для данного дискурса речевых стратегий, в частности, изучение митигативной стратегии, реализация которой является одной из важнейших в успешной дипломатической коммуникации.

Целью работы является выявление репертуара языковых средств, репрезентирующих тактику умолчания в рамках митигативной стратегии в современном русском дипломатическом дискурсе

Понятия *речевой стратегии* и *речевой тактики* взаимообусловлены и рассматриваются нами как основополагающая цель (стратегия) и задачи (тактики), необходимые для реализации данной цели. Выбор речевой стратегии и подчиненных ей тактик обусловлен общей коммуникативной целью говорящего. Вслед за целым рядом исследователей под речевой стратегией понимается общая направленность речевого поведения говорящего, ведущая к достижению той или иной коммуникативной цели, под тактикой – необходимые шаги для достижения данной коммуникативной цели (10; 11; 13).

Одна и та же речевая стратегия, представленная в различных дискурсах, в частности, стратегия митигации⁶, может иметь различные формы своего языкового проявления. По мнению С.С. Тахтаровой, митигативная стратегия направлена «на сохранение коммуникативного баланса в межличностной коммуникации» (16, 6), который в потенциально конфликтной ситуации может быть сохранен за счет снижения уровня конфликтности и категоричности. Основными характеристиками данной стратегии являются «антиконфликтность, некатегоричность, неимпозитивность, глорификация (повышение коммуникативного статуса партнеров по коммуникации) и эмоциональная сдержанность» (16, 6). Основными характеристиками личности, использующей речевую стратегию смягчения, являются «приоритетная ориентированность на адресата, установка на благожелательную тональность коммуникативного контакта, владение стратегиями вежливого и толерантного поведения» (16; 17). Говорящий использует самые различные языковые средства митигативных тактик тогда, когда потенциально возможна конфликтная ситуация либо конфликтная

⁶Термин был введен в 1980 году американским лингвистом Б.Фрейзером и трактовался им как процесс модификации речевого акта, направленный на уменьшение возможных нежелательных эффектов (unwelcome effects) в тех ситуациях, когда речевое поведение говорящего может привести к коммуникативному сбою или даже конфликту (16).

ситуация налицо и ее необходимо смягчить или разрешить. В этой связи С.С. Тахтарова замечает, что митигативные тактики ⁷ ориентированы на собеседника (14) и направлены на сохранение коммуникативного контакта и бесконфликтное общение (18).

Основная часть

Одной из тактик, направленных на достижение коммуникативной цели в рамках митигативной стратегии, является **тактика умолчания**.

Тактика умолчания какого-либо положения дел // фактов направлена на импликацию части смысла высказывания с целью смягчения (возможной) напряженности в ситуации с помощью определенной системы языковых средств. Вслед за Е. Иванян под умолчанием понимается «мнимая неопределенность, поскольку при употреблении названного значения адресант совершенно определенно знает, о каком предмете, признаке, явлении действительности идёт речь. Следовательно, мнимая неопределенность сигнификативной ситуации (предмета, признака, положения дел) базируется на фактической определённости» (9, 51). Абсолютное понимание говорящим умалчиваемого в речи положения дел // предмета // лица говорит о намеренности данного явления, то есть о намеренной недосказанности. Говорят о двух видах умолчания: 1) собственно умолчания и 2) умолчания-намека (9, 52). Собственно умолчание приравнивают к недоговариванию конца фразы, «предполагающее для слушающего или читающего догадаться, что именно осталось невысказанным» (2, 485). Например, Вопрос: Препятствует ли тема транскаспийского газопровода (ТКГ) поиску согласия по правовому статусу Каспия? Ответ: Видеть в теме ТКГ главный камень преткновения на переговорах по Конвенции – это расхожее заблуждение. По нашим ощущениям, проблематика строительства магистральных трубопроводов на Каспии искусственно раздувается. Но только не самими прибрежными государствами⁸, где тактика собственно умолчания реализуется с помощью использования отрицательной конструкции⁹ не + субъект действия, а ..., вторая часть которого (а ...)

⁷Митигативные стратегии и репрезентирующие их тактики уже были предметом изучения на материале политического и дипломатического интервью (8), художественного текста (15).

⁸Здесь и далее примеры даны из интервью, выступлений и ответов на вопросы кадровых дипломатов МИД с официального сайта МИД РФ (mid.ru). Общая сплошная выборка материала составляет 5000 страниц текста (2013–2017 г.г.)

⁹Необходимо сказать, что прямое эксплицитное отрицание практически не характерно для публичного дипломатического дискурса. Сравните данный пример с предыдущими, где имеется отрицание, однако оно не содержит ни имплицитных смыслов, ни смягчения. В данном случае дипломат совершенно обоснованно использует тактику прямого отрицательного ответа по причине некомпетентности в данном вопросе: Более подробно ответить на вопрос, касающийся складывающейся в Македонии ситуации, не могу, поскольку он выходит за рамки моей компетенции и его следовало бы адресовать послу России в Скопье.

имплицирована. Таким образом, мы наблюдаем отрицание субъекта переговорного процесса, а настоящий субъект действия (тот, который искусственно раздувает) не назван. Правильное понимание таких высказываний, как правило, требует наличия у адресата фоновых знаний, связанных со знанием описываемой проблематики (в данном случае, проблематики правового статуса Каспия).

Тактика умолчания-намека

Намек¹⁰ традиционно относят к числу способов *косвенной* передачи информации, где в качестве обязательного содержится имплицитный смысл, который при правильном понимании должен быть извлечен слушающим (3; 1; 12; 20).

Более точное и полное *определение феномена намека* связано с асимметричным характером соотношения в нем поверхностной и глубинно-семантической структуры высказывания. В поверхностной структуре высказывания намека содержатся оба смысла, в глубинно-семантической только один – тот, который должен быть доведен до слушающего, о котором тот должен догадаться. В этом отношении сравните намек с такими смежными языковыми понятиями, как косвенный речевой акт и двусмысленность. В двусмысленных высказываниях и в поверхностной и в глубинно-семантической структуре высказывания по два смысла, которые с легкостью извлекаются слушающим в зависимости от контекста и ситуации (Сейчас выну из огня подкову. Как кивну головой, бей по *ней* молотком, где денотатом выделенного местоимения является и подкова, и голова (АиФ 2005, № 11¹¹)). Косвенный (имплицитный) смысл в косвенном речевом акте является производным от основного (*Не подадите мне печенье?* = *'Дайте, пожалуйста, печенье'*) (17).

Что касается *интерпретации намека слушающим*, то здесь мнения исследователей расходятся. По мнению И.Б. Шатуновского, слушающий колеблется между буквальной и косвенной интерпретацией, в результате чего «возникает как бы «мерцающий» косвенный смысл, который то ли есть, то ли нет» (точная интерпретация смысла может быть известна только говорящему) (21, 669). Однако намек может быть и достаточно прозрачным для того, чтобы

¹⁰ Слово *намек* обладает следующим лексическим значением: ‘слово или выражение, в котором мысль высказана неявно, не полностью и может быть понята лишь по догадке’ (5). Как видно из словарной дефиниции, намек заставляет слушающего догадываться, о чем же на самом деле идет речь или кто (что) имеется в виду. Определение же намека как лингвистического термина значительно отличается.

¹¹ Пример заимствован из статьи М.А. Южанниковой «Стилистические приемы двусмысленности как практический материал в преподавании русского языка как иностранного» // <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskie-priemy-dvusmyslennosti-kak-prakticheskiy-material-v-prepodavanii-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo>

слушающий мог легко извлечь из него имплицитный смысл. В этом плане более полной представляется точка зрения А.Н. Баранова, который различает два вида намека: истинный (сложный) намек и намек регулярный. Под истинным намеком понимается такой непрямой способ передачи информации, при котором, с одной стороны, наблюдается усложнение языковой формы, с другой стороны, допускается *вариативность* при угадывании той информации, которая оказывается скрытой при помощи каких-либо языковых средств; сам процесс угадывания, безусловно, требует определённых знаний слушающего // читающего о мире, «при этом намек формирует альтернативный уровень содержания текста, непонимание которого не ведет к коммуникативной неудаче в понимании основной части текста» (18). В противоположность описанному, имплицитный компонент *регулярного намека* легко реконструируется слушающим // читающим, требуя самых обычных знаний о мире, присущих подавляющему большинству людей (3, 46–50).

Особого внимания заслуживает *ситуация употребления намека*, которая характеризуется тем, что в форму намека облекается то, что не может быть сказано прямо по причине нанесения вреда *статусу* или *репутации* как говорящего, так и слушающего (3, 48). Сказанное означает, что намек является не только способом косвенной передачи информации, но и способом «имплицитного речевого воздействия» (3, 46).

Вслед за И.Ю. Артемовой мы будем придерживаться широкого понимания термина *намек* как способа, направленного на передачу «интенциональных смыслов от говорящего к слушающему с расчетом на их извлечение последним в виде импликаций»¹² (1, 8).

В публичном дипломатическом дискурсе умолчание-намек используется как одно из средств митигации, позволяющих дипломату избежать напряженности либо категоричности в оценке событий, фактов, опираясь на фоновые знания коммуникантов прежде всего с целью: 1) неявного указания на каких-либо участников дипломатической коммуникации, положения дел, 2) их неназывания, 3) смягчения ситуации осуждения.

Анализ материала показывает, что способами выражения тактики намека в устной форме публичного дипломатического дискурса является ряд языковых средств. Имплицитно намек содержится в высказываниях, где имеется метафорическое контекстно обусловленное употребление глаголов

¹² Сравните с косвенным речевым актом, имеющим производный смысл (20, 332).

типа искрить, выдохнуться, милитаризировать, а также словосочетаний типа уши коммерческих интересов, грязевый поток, остатки нашей двусторонней посуды, собрать черепки, санкционная материя, вымести мусор, выполняющих функцию неявного указания на кого- // что-либо. Например: Если же посмотреть шире на то, что мы называем трансатлантической связкой, мы увидим, что связка эта искрит, где дипломат, употребляя глагол искрить в переносном значении, вуалирует компонент смысла 'между членами ЕС, а также ЕС и США имеются значительные проблемы, видные со стороны', указывая тем самым на отсутствие единства в рядах ЕС. Наличие именно этого компонента подтверждается последующим контекстом: Мы это наблюдаем с момента смены администрации в США, да даже и до этого. Это касается не только сугубо прикладных вещей, но и глобальных, таких, как судьба Парижского соглашения по климату, как судьба иранской ядерной сделки, а также многочисленной информацией, свидетельствующей о неполном согласии в рядах ЕС по множеству вопросов // ... уши коммерческих интересов видны сквозь любые наслоения политики и так называемых ценностей, где метафорическое словосочетание уши коммерческих интересов являются осуждающим намеком на сугубо экономическую подоплеку санкций со стороны США, что подтверждается и последующим контекстом ... вслед за критикой проекта «Северный поток-2» американские законодатели, не моргнув глазом, записали, что Администрация США должна добиваться поставок энергоносителей из США в Евросоюз // Лучше – на базе нашей мудрости – договориться изначально не милитаризировать информационное пространство и установить там правила игры – содержит указание на времена холодной войны, когда все возрастающая милитаризация в конце концов привела к идее разоружения и созданию «Договора о нераспространении ядерного оружия (Non-Proliferation Treaty, NPT)» (1 июля 1968 г.), а также «Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой» (5 авг.1963 г.) // Они, думаю, будут выработать предложения для лидеров, идеи, которые позволили бы убрать накопившийся «грязевый поток» (намек на Fake News), который был сгенерирован при предыдущей американской администрации // ...чтобы остатки нашей двусторонней посуды (отношения России и США – прим. автора) попадали на пол и разбились. Да так, чтобы тому, кто придет позже, уже не собрать черепки, а лишь осталось вымести мусор, где трижды использован достаточно прозрачный намек на сознательное ухудшение отношений между Россией и США (остатки нашей двусторонней посуды, собрать черепки, вымести мусор).

Еще одним способом создания умолчания-намека является употребление неопределенных и указательных местоимений типа кто-то, где-то, у кого-то, какой-нибудь, тех, кто; не то; те, кто; некие, от тех, кто; эти и многих других, а также прилагательных и словосочетаний с неопределённой семантикой типа другие, различные, некоторые, группа избранных, всяческое содействие, целый ряд + Р.п., простые вещи, конкретные моменты, безусловно, содержащих имплицитный компонент и указывающих на лицо либо положение дел. Например: Франция сделала 7 мая свой выбор, и мы с уважением относимся к решению французских избирателей. ...Как вы знаете, в последние годы не по нашей вине была приостановлена деятельность некоторых институтов двустороннего сотрудничества – намек-указание на приостановку деятельности Большой российско-французской межпарламентской комиссии, формата два плюс два – совместные встречи министров иностранных дел и обороны // Это очень важно, потому что целый ряд оппозиционеров, которые строят из себя демократов = 'радикально настроенная оппозиция, боевики', наотрез отказываются признавать необходимость обеспечить светский характер будущего государства. Как видим, с одной стороны, использование различных групп лексики с неопределённым значением позволяет дипломату прямо не называть объекты, лица, страны, ситуации, с другой стороны, в подобных контекстах не всегда возможно однозначно восстановить имплицированный компонент по причине широкой денотативной отнесенности неопределённых местоимений и словосочетаний. Содержание имплицированного компонента зависит от окружающего контекста и ситуации.

Для создания намека используются не только неопределённые местоимения, но и атрибутивные конструкции с обобщающей или неопределённой семантикой типа односторонние шаги, западные партнеры, «агрессивное меньшинство», мировые державы, внешнее воздействие и т.д. Например: Что же мы видим сейчас? Грубое внешнее воздействие на ситуацию в Македонии продолжается. // Сопутствующей целью, которую преследуют наши западные партнеры – это даже не скрываемое, а публично провозглашенное "сдерживание" России, которая, мол, стала слишком самостоятельной и динамичной. Результаты такой политики мы и видим сегодня. В данном примере используется намек-указание на государства Североатлантического блока.

Другим способом создания намека является употребление видоизмененных прецедентных высказываний, крылатых выражений, отсылающих к контекстам и ситуациям, помогающим восстановить имплицитный компонент. Например, в высказывании На эту «особенность»

борьбы с терроризмом по-американски¹³ мы неоднократно указывали ... как на яркий пример проявления «двойных стандартов» в антитерроре, где словосочетание «особенность» борьбы с терроризмом по-американски содержит достаточно прозрачный критический намек на то, что «с международным терроризмом в Сирии борется РФ «вместе с самими сирийцами, а американцы борются с ИГИЛ»¹⁴ // Добросовестный подход к партнерству на антитеррористическом треке, отказ от поиска корыстных выгод в соответствии с принципом «враг моего врага – мой друг» (или по крайней мере – не мой враг) является необходимым условием для эффективного решения этой проблемы, где крылатое выражение «враг моего врага – мой друг» является прозрачным намеком-осуждением на множество террористических группировок, называемых североатлантическим альянсом «умеренной оппозицией» и поддерживаемых финансово и морально // Но я пока не вижу готовности Европейского Союза отказаться от игры в одни ворота и от выбора, перед которым он хочет ставить все страны, где использование устойчивого выражения от игры в одни ворота является намеком-указанием на дисбаланс в отношениях, который наблюдается последние годы в отношениях между РФ и ЕС.

Намек создается и с помощью введения в контекст словосочетаний пропозиционального характера типа *кровавые события* либо предикативных конструкций описательного характера, содержащих языковые единицы, косвенно указывающие на объект. Например: *Еще свежи в памяти воспоминания о кровавых событиях, последовавших за распадом Югославии* – намек на вооруженные конфликты, последовавшие за распадом страны и образование независимых государств на Балканах.

Одним из нечастых способов создания намека является эвфемизация¹⁵, выполняющая в данном контексте функцию неназывания. Например: Продолжена порочная практика проведения дистанционных расследований «в соседней с Сирией стране» – намек на Ирак, где якобы было обнаружено оружие массового поражения в 2003 году // ...это вопросы, относящихся к произвольным задержаниям без надлежащего уведомления российской

¹³Сравните с прецедентными высказываниями «охота по-русски», «любить по-русски», «баня по-русски».

¹⁴Смотрите в этой связи интервью директора Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России И.И. Рогачева агентству «Интерфакс», 4 августа 2017 года // http://www.mid.ru/web/guest/vistupleniya_rukovodstva_mid/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/2832521, где г-н И.И. Рогачев отмечает: «Вспомните, президент Б.Обама сформировал не «антитеррористическую», а именно антиигиловскую коалицию и назначил своего спецпредставителя в целях политической поддержки ее действий».

¹⁵ Эвфемизм – это «замена любого нежелательного в данной ситуации слова или выражения при помощи нейтрально или положительно коннотированного обозначения с целью избежать конфликта в общении и/или скрыть неприятные явления действительности» (4). Особенностью эвфемизмов является то, что они смягчают, но не вуалируют суть явления.

стороны граждан Российской Федерации в третьих странах по иностранным ордерам, где выделенный фрагмент представляет собой распространенное стилистически нейтральное словосочетание, заменяющее собой существительное похищение¹⁶. Здесь необходимо иметь ввиду, что слово похищение в данном контексте рассматривалось бы сразу в двух ипостасях: как нейтральное общеупотребительное в значении 'действие по глаголу похищать (похитить) – тайно унести, увести, увезти или выкрасть' и как юридический термин, имеющий несколько иной объем значения 'преступление против свободы личности, тайный или открытый с помощью обмана захват человека, сопряженный с ограничением его личной свободы'(6, 407). Достаточное резкое для употребления в публичной дипломатической практике слово похищение прозвучало бы как открытое обвинение.

Заключение

Итак, способами выражения тактики собственно умолчания и умолчания-намёка в современном русском дипломатическом дискурсе являются: недоговаривание конца фразы, употребление неопределённых местоимений, имен существительных и атрибутивных конструкций с неопределенной и обобщающей семантикой, видоизмененных прецедентных высказываний, а также метафорическое контекстно обусловленное употребление глаголов. Каждый из способов имплицитно определяет определенный компонент смысла высказывания, позволяя говорящему (дипломату) в ходе профессионального общения избегать прямого указания на конкретных лиц, факты, ситуации, тем самым следуя основополагающим принципам дипломатического общения: некатегоричность, корректность, сдержанность, бесконфликтность. Использование тактики умолчания и репрезентирующих ее языковых средств по существу представляет собой ряд шагов, направленных на реализацию общей коммуникативной цели – избежание возможной или смягчение уже возникшей конфликтной ситуации, снижение уровня конфликтности. Анализ нашего материала также демонстрирует, с одной стороны, разнообразие языковых средств, используемых говорящим (дипломатом), их продуманность, выверенность, скорректированность в зависимости от ситуации общения, с другой стороны, высокую степень повторяемости при использовании указанной тактики. Проведенное исследование позволяет с уверенностью говорить о том, что дипломатическая деятельность – это в значительной мере деятельность языковая, а выявленные языковые средства умолчания в рамках митигативной стратегии являются тем

¹⁶ Похищение – действие по глаголу похищать (похитить) – 'тайно унести, увести, увезти или выкрасть' (5).

профессиональным инструментом, который позволяет дипломату выполнять стоящие перед ним задачи по защите национальных интересов страны.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова И.Ю. Намек в русском устном межличностном дискурсе: прагмасемантический аспект // Дисс. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук. – СПб., 2014. – 175 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., Издательство «Советская энциклопедия», 1966. – 608.
3. Баранов А. Н. Намек как способ косвенной передачи смысла // Труды международной конференции «Диалог 2006». – М., 2006. – С. 46–50.
4. Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): автореф. дисс... на соиск. уч. ст. канд. фил. наук. – Краснодар, 2006. – 24 с.
5. Большой толковый словарь русского языка. – СПб «Норинт», 2000. – 1536 с.
6. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – 2-е изд, перераб. и доп. – М.: ИНФРА, 2001.
7. Вебер Е. А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 18 с.
8. Волкова И.Н. Коммуникативное смягчение в дипломатическом дискурсе // Филологические науки. Серия 9. Этно-, социо- и психолингвистика. URL: http://www.rusnauka.com/22_PNR_2011/Philologia/9_91066.doc.htm (дата обращения 23.08.2016)
9. Иванян Е. Значение умолчания как функционально-семантическая категория // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica. – 2015. – № 11. – С. 49–56. URL: <http://docplayer.ru/43680550-Znachenie-umolchaniya-kak-funkcionalno-semanticheskaya-kategoriya.html> (дата обращения 31.08.2017)
10. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М: УРСС. – 2002. – 284 с.
11. Ключев Е.В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. – М., 2002. 314 с.
12. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР, Сер. Литературы и языка, 1988, Т. 47. – № 5. – С. 462–470.
13. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Дисс. на соиск. степени док. фил. наук – Саратов, 2005. – 325с.
14. Тахтарова С.С. Митигативный стиль коммуникативного поведения // Прагмалингвистика и практика речевого общения: сборник науч. трудов Международной научной конференции, г. Ростов-на-Дону, 24 ноября 2007 г. – Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2007. – С. 375–380.
15. Тахтарова С.С. Коммуникативная личность в параметрах смягчения (на материале художественной коммуникации) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». — 2008. – Вып. 21. – № 16 (117). – С. 158–165.
16. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) // Автореф. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук. – Волгоград, 2010. – 40 с.
17. Тахтарова С.С. Митигативные тактики в политическом дискурсе // Lingua mobilis, 2010 а, №5 (24).URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mitigativnye-taktiki-v-politicheskom-diskurse#ixzz4FVARexKb> (дата обращения 31.08.2017)
18. Тахтарова С.С. Роль митигации в предотвращении коммуникативных конфликтов // Институционализация конфликта как средство обеспечения юридической и социальной безопасности. Коллективная монография. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. – С. 226–236.
19. Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010 – № 1. – С 47–57.
20. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.
21. Шатуновский И.Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Труды международной конференции «Диалог–2004». – М., 2004. – С. 666–670.